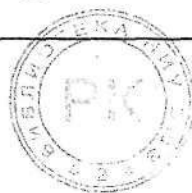




# СОЦИС

Журнал основан  
в июне 1974 года



## СОДЕРЖАНИЕ

### НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

- 4 РАДАЕВ В.В. Российская социология в поисках своей идентичности  
18 ЛЕВИЧЕВА В.Ф. О стратегии развития системы аттестации кадров в России

### ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- 25 ДЕНИСОВА Г.С., КЛИМЕНКО Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России  
34 АРУТЮНЯН Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде  
44 ХЛЫНИНА Т.П., КУРБАТ Т.Г. "Армянские разговоры" в эпоху взрыва этничности  
52 АФАНАСЬЕВА Л.В., БУКРЕЕВА И.В., ГЛИНСКАЯ Л.Ф., ОРЛОВ А.В. Особенности этнической толерантности молодежи в контексте украинского регионального поликультурного социума

### МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 59 ТОЛСТОВА Ю.Н. Возросла ли эффективность методов социологических исследований в России за последние 100 лет?  
69 КОЛЕСНИКОВ А.К., ЛЕБЕДЕВА И.П. Взаимодействие социологии и математики: эпистемологические перспективы  
78 МЯГКОВ А.Ю. Техника "непарных чисел" (Аналитический обзор зарубежных исследований)

### СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- 88 ЦВЕТКОВА И.В. Оценка социальной ситуации в моногороде и перспективы его реформирования  
94 СОКОЛОВ А.В., ЧЖЕ СУН ХУН. Взаимодействие органов управления и общественных организаций в Ярославской области: социологический анализ

# Новые явления в общественном сознании и социальной практике

## СОЦИОЛОГИЯ: новая повестка дня

*От редакции.* Статьями профессоров В.В. Радаева и В.Ф. Левичевой мы начинаем дискуссию о состоянии, проблемах и путях развития социологии с учетом современных реалий. В традиции нашего журнала один раз в 5–6 лет возвращаться к обсуждению актуальных проблем социологии. В 2008 г., когда мы отмечали 50-летие Советской социологической ассоциации и 40-летие Института социологии РАН, на страницах журнала были напечатаны статьи, которые были объединены в монографии “Вехи российской социологии (1950–2000-е годы)”. В ней были собраны информационные материалы о возрождении (или втором рождении) социологии, сведения о региональных центрах и об исследовательских комитетах, статьи о проблемах и перспективах развития нашей науки.

С тех пор произошли существенные изменения ситуации в российском обществе, в самой социологии. На базе журнала и при поддержке Института социологии РАН и Института социально-политических исследований РАН в эти годы работал Научный совет Отделения общественных наук РАН “Новые явления в общественном сознании и социальной практике”. Он заслушивал и обсуждал ряд поисковых, пионерных тем, что нашло отражение в коллективной монографии “Новые идеи в социологии” (М., ЮНИТИ-ДАНА, 2013, 479 с.).

В предлагаемых статьях поставлены актуальные проблемы социологической науки, ее научное, учебное, прикладное и международное воплощение, вынесены предложения по их эффективному решению. Мы приглашаем наших коллег включиться в дискуссию, высказать свои суждения, размышления и предложения по общим вопросам и отдельным аспектам развития социологии.

**В.В. РАДАЕВ**

## **РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКАХ СВОЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ<sup>1</sup>**

---

*РАДАЕВ Вадим Валерьевич – доктор экономических наук, профессор, первый проректор НИУ "Высшая школа экономики".*

---

**Аннотация.** *Российская социология сталкивается с затруднениями при формировании профессиональной идентичности на всем протяжении своей сложной истории. Количественное расширение сообщества, рост образовательных программ и появление новых рынков социологических услуг не разрешили этой ситуации, которая усугубляется разнородным бэкграундом российских социологов, устаревшим организационным членением и идеологическими расколами. Что может вывести российскую социологию из этого болезненного и раздробленного состояния?*

**Ключевые слова:** *история социологии • профессиональная идентичность • социологическое образование • ассоциации социологов • интернационализация*

Пять лет назад, в 2008 г., прошло шумное празднование 50-летия российской социологии. По поводу достижений и побед мнения расходились. Но формальный повод был – в 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация. И нужно было отдать дань уважения тем, кто стоял у истоков<sup>2</sup>.

И вот незаметно прошло еще пять лет, появляется новый повод если не для празднеств, то по крайней мере для размышлений. Некоторые из этих размышлений без претензии на всеохватность мы и представим. Напомним, что пятилетие назад мы попытались поставить своего рода диагноз основным болезням российской социологии [Радаев, 2008а. См. также: Вехи российской социологии, 2009]. Повторять сделанные ранее выводы мы не будем, хотя, к сожалению, все эти болезни остались при нас. Российская социология меняется значительно медленнее, чем объекты, которые она призвана изучать. И главной проблемой для социологии, на наш взгляд, по-прежнему остается кризис несформированной идентичности<sup>3</sup>.

**Прерванные полеты.** Известно, что российская социология пережила несколько серьезных взлетов и падений. И каждый раз по-новому ставился вопрос о ее идентичности, а преемственность с прошлым (по крайней мере, частично) нарушалась. Мы не претендуем на сколь-либо обстоятельное воспроизведение истории российской социологии, лишь обозначая ее наиболее важные вехи.

Первый взлет, как считается, состоялся во второй половине девятнадцатого века. В связи с этим немало написано о субъективной школе русской социологии (П. Лавров, Н. Михайловский, Н. Кареев). Значимые элементы социологических воззрений без труда обнаруживаются в исследованиях философов (С. Франк, С. Булгаков) и по-

---

<sup>1</sup> Мы благодарим М.М. Соколова за ценные замечания по первому варианту данной статьи.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Вехи российской социологии (1950–2000-е годы) / Отв. ред. Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. М.: Алетейя, 2009. Мы тоже внесли свой небольшой вклад, издав книгу о "Поколении учителей" с серией интервью о прошлом с основателями советской социологии [Экономическая социология: поколение учителей, 2008].

<sup>3</sup> Данная статья подготовлена на основе главы о российской социологии, представленной автором в международное издание "The Handbook of European Sociology" (планируется к выходу в Routledge в 2013 г.).

литэкономов (П. Струве, М. Туган-Барановский). Важную роль сыграл М. Ковалевский, именем которого названо основанное в 1916 г. Русское социологическое общество, и, конечно, П. Сорокин, основавший факультеты, на которых изучалась социология, по обе стороны Атлантики. Перечень славных имен на этом не заканчивается (подробнее см.: [Голосенко, Козловский, 1995; Кукушкина, 1993]), но следует признать, что большинство трудов этого периода в конечном итоге осталось в стороне от мирового социологического мейнстрима (бесспорным исключением можно считать более поздний фундаментальный труд П. Сорокина о социальной мобильности [Sorokin, 1927]). К тому же большевикам удалось прервать зарождающуюся традицию – кто-то был выслан в начале 1920-х гг., кого-то затем репрессировали как “врагов трудового народа” (А. Чаянов, Н. Кондратьев). Что же касается советских общественных наук, то, к сожалению, социология не вошла в официальную триаду источников и составных частей марксизма, что и определило ее судьбу на несколько десятилетий. Более того, она в 1930-е годы была идентифицирована как “буржуазная” наука, противостоящая подлинно научному учению. В подобных условиях формирование профессионального сообщества социологов вряд ли было возможно в принципе [Батыгин, 1998].

Возрождение социологии в 1950-е гг. происходило под недремлющим оком партийных идеологов и, как это ни странно, в результате разворачивающейся холодной войны, когда социология была идентифицирована как один из инструментов идеологической борьбы с Западом [Соколов, 2011]. Это объясняет, почему при маргинальном официальном статусе социологии запрос на социологические исследования был поддержан “сверху”. Бить идеологического врага его же оружием и были направлены советские обществоведы на конгрессы Международной социологической ассоциации (ISA). Впервые это случилось в 1956 г. А через два года появилась Советская социологическая ассоциация (ССА), которая должна была представлять наши достижения на международной арене. Движение имело успех, и спустя десятилетие в ней значилось около полутора тысяч членов (правда, Американскую социологическую ассоциацию по численности так и не догнали, но заняли почетное второе место). Характерно, что более половины всех социологов в конце 1960-х гг. концентрировались в пяти крупнейших городах: Москве, Ленинграде, Новосибирске, Киеве и Свердловске [Осипов, 1970]. Многие в это время работали на кафедрах философии и научного коммунизма.

В 1968 г. был создан Институт конкретных социальных исследований. Из-за плотного “железного занавеса” в СССР порою прорывались классики мировой социологии – здесь побывали Т. Парсонс, Р. Мертон, А. Гоулднер, Р. Миллс. Выстраивались профессиональные контакты с восточноевропейскими коллегами (особенно с поляками), посредством которых активно импортировались идеи, пересылалась западная литература.

И главное, разворачивались первые оригинальные социологические исследования. Основными областями в это время становятся социология труда и исследования социально-классовой структуры общества. При этом “труд” открыто претендовал на статус центральной категории при описании социалистического общества, а категория “социального класса” затачивалась прежде всего как оружие критики буржуазных обществ; применительно к социалистическому строю отделялись удивительно беззубыми формулами, вроде “двух дружественных классов и прослойки интеллигенции” [Радаев, Шкаратан, 1996].

Методологически социология в советский период представляла собой причудливый сплав ортодоксального марксизма (чего невозможно было избежать) и латентных пристрастий к “буржуазным теориям”. Здесь, среди прочих, можно выделить два особо значимых направления. Одно было в большей степени связано с социальной психологией и погружалось в социологию труда и индустриальную социологию с акцентом на изучение трудовой мотивации (классический пример – исследование В.А. Ядова и его коллег “Человек и его работа”) [Здравомыслов, Рожин, Ядов, 1967]. Социология труда по сути стала преобладающим направлением. Достаточно сказать,

что в составе ССА образца 1970 г. число исследователей, относивших себя к этой области, в 3–4 раза превышало число приверженцев любого другого направления [Соколов, 2011: 10–11]. Это движение поддерживалось и массовым созданием социологических лабораторий (или лабораторий научной организации труда) на крупных советских промышленных предприятиях, которые содержали эти лаборатории, пока не кончился советский строй.

Вторая группа социологов тяготела в большей степени к структурному функционализму и занималась изучением социально-классовой структуры общества с укрепляющимися элементами стратификационного анализа социально-профессиональных слоев в городе и на селе. Здесь обычно отмечаются работы О.И. Шкаратана, Ю.В. Арутюняна, Т.И. Заславской, несколько отклонявшиеся от ортодоксальной линии [Yanowitch, 1977].

Что же касается институциональной структуры советского социологического общества, ее неплохо характеризует состав коллективных членов ССА. В 1970 г. в нее входил 231 коллективный член, включая: учебные и научные подразделения вузов (39%), заводские лаборатории (17%), институты Академии наук СССР (16%), институты и центры государственных министерств и ведомств (13%), лаборатории при партийных органах и общественных организациях (6%) и другие центры при средствах массовой информации, профсоюзах и др. (6%) [Соколов, 2011]. На волне роста интереса к социологии начали издаваться выпуски "Социальные исследования", которые в 1974 г. завершились с созданием первого академического журнала "Социологические исследования".

Несмотря на впечатляющий количественный рост, без полного официального признания социологии как науки профессиональное сообщество оставалось сравнительно маргинальным. Большинство обществоведов за рамками относительно узкого профессионального круга не очень четко представляло себе, что есть "социология". А социологические исследования, выполняемые на высоком профессиональном уровне (как правило, под политическим патронажем некоторых просвещенных партийных боссов), были относительно немногочисленными [Батыгин, 1999].

Крайне негативную роль сыграло усилившееся идеологическое давление на социологию и социологов после вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. Последовавшая в 1972 г. реорганизация ИКСИ АН СССР с увольнением ведущих ученых и разрушением складывавшихся дееспособных исследовательских команд положила конец советскому "социологическому ренессансу" и привела к полторадесятилетнему застою, вполне соответствующему нарастающим застойным явлениям в советском обществе в целом.

**Утверждение в университетах.** Следующая фаза взлета была связана с официальным признанием и формальной институционализацией советской социологии, которая произошла уже в период горбачевской перестройки, когда усилиями Т.И. Заславской, В.Н. Иванова, Н.И. Лапина, Ж.Т. Тощенко и ряда других коллег в 1987 г. появилось Постановление ЦК КПСС, легитимирующее социологию и политические науки. А через два года это привело к созданию первых факультетов социологии, открыв возможности массовой и систематической подготовки студентов, желавших стать профессиональными социологами. В 1990-е гг. как грибы растут разного рода социологические подразделения в вузах. Казалось бы, проблема профессиональной идентификации социологии, наконец-то, благополучно разрешится, а социология будет навеки обеспечена подрастающей сменой.

Однако будущее оказалось не столь радужным. Большинство социологических подразделений образовывалось не на пустом месте, а в результате трансформации ранее существовавших кафедр исторического материализма или научного коммунизма, в то время как кафедры истории КПСС спешно переименовывались в кафедры политологии. По расчетам Т. Ковалевой и М. Соколова, по сравнению со многими другими социальными и гуманитарными науками (экономикой, психологией, правом и пр.) в социологии повышенная доля образовательных программ была преобразо-

вана из ранее существовавших в советских вузах. Это преобладание "браунфилда" над "гринфилдом" не только наложило неизгладимый отпечаток на профессиональный уровень некоторых групп, но и привело к очень разношерстным результатам, ибо профиль и компетенции социологов в сильной степени определялись их профессиональным бэкграундом. Если социология отпочковывалась от философии или научного коммунизма, то результаты сильно отличались от того, что происходило при отпочковании, например, от факультетов экономики. И сравнение, на наш взгляд, оказывается в пользу второго пути.

Если же говорить о подготовке социологов в университетах, то с количественной точки зрения в последнее время здесь дела обстояли неплохо. По официальной статистике за пятилетие, с 2006 по 2011 г., численность студентов, принимаемых на социологические факультеты в государственных университетах, выросла на 36% – с 4,1 до 5,6 тыс. чел. Чуть подросла доля социологов в общем приеме в российские государственные вузы (с 0,3 до 0,5%) (см. табл. 1). При том, что общая численность абитуриентов в эти годы проваливалась в демографическую яму, результат в целом неплохой.

Таблица 1

**Численность приема и выпуска студентов по социологии  
в российских государственных университетах в 2006 и 2011 гг.**

Характер данных	2006	2011
Прием студентов на социологические программы		
Численность студентов (чел.)	4115	5592
Доля приема на социологические программы в общем приеме (%)	0,3	0,5
Доля студентов, принятых на места, финансируемые из средств федерального бюджета (%)	67,3	57,7
Доля студентов, принятых на места с оплатой обучения на договорной основе (%)	32,7	42,3
Доля студентов, принятых на программы бакалавриата и магистратуры (%)	16,3	100
Выпуск студентов с социологических программ		
Численность выпускников (чел.)	3609	3910
Доля выпускников бакалавриата и магистратуры (%)	11,5	30,0

*Источник:* Росстат. Благодарим Г. Андрущак за предоставление этих данных.

Среди выпускников государственных вузов социологи составляли в 2011 г. 3,9 тыс. Из них пока лишь 30% завершали программы бакалавриата и магистратуры (в 2006 г. таких было меньше – 11,5%), хотя на специалитет социологов уже не принимают – таков результат замедленного перехода российских вузов на систему "4 + 2". Негосударственные вузы демонстрируют некий опережающий рост, но по-прежнему погоды не делают – среди выпускников их доля в 2011 г. не превышала 4%.

Число бюджетных студентов (точнее обучающихся на местах, финансируемых из средств федерального бюджета) составила среди социологов в 2011 г. 57,7%. Но интереснее другое – за пять лет эта доля снизилась почти на 10% (в 2006 г. она равнялась 67,3%). Соответственно, доля студентов, принятых на места с оплатой обучения на договорной основе, за пять лет выросла с 32,7 до 42,3% (см. табл. 1). Получается, что социологическое образование все больше рассматривается университетами как источник дохода. Этим социология не отличается от многих других социальных и гуманитарных дисциплин. Напротив, по данным Т. Ковалевой и М. Соколова, по уровню маркетизации, измеряемому долей коммерческих студентов, социология находится на среднем уровне среди всех дисциплин, но отстает от большинства собратьев (экономики, менеджмента, права, психологии, политических наук).

Характерно и то, что основная часть бюджетных студентов-социологов сосредоточена в университетах Москвы и Санкт-Петербурга, которые притягивают аби-

туриентов с лучшим уровнем ЕГЭ. В региональных университетах социология чаще оказывается в числе коммерческих программ или программ с минимальным числом бюджетных мест. Отчасти это позволяет увидеть исследование НИУ ВШЭ, содержащее информацию о 524 российских университетах, из которых 27 университетов принимают студентов-социологов на места, финансируемые из средств федерального бюджета, и 60 университетов – на места с оплатой обучения на договорной основе. Мы видим, что в первой группе (бюджетный прием) региональные вузы занимают чуть менее половины, а во второй группе (коммерческий прием) – почти 80% (47 из 60 вузов) (см. табл. 2). По косвенным данным можно судить и о том, что уровень вузов, принимающих коммерческих студентов, несколько ниже, чем уровень вузов, принимающих бюджетных студентов. Если брать университеты Москвы и Санкт-Петербурга, то в группе с бюджетным приемом в первую десятку вузов по уровню ЕГЭ входят восемь таких университетов, а в группу с коммерческим приемом – лишь четыре университета (см. табл. 2).

Таблица 2

**Региональное распределение университетов, принимающих студентов на социологические программы в 2011 г.**

Показатели	Принимают на места, финансируемые из средств федерального бюджета		Принимают на места с оплатой обучения на договорной основе	
	Всего	В Топ-10*	Всего	В Топ-10*
Число университетов из Москвы и Санкт-Петербурга	14	8	13	4
Число университетов из других регионов	13	2	47	6

Источник: [http://www.hse.ru/ege/second\\_section/napravlenia\\_all#21](http://www.hse.ru/ege/second_section/napravlenia_all#21)

Примечание. \* Топ-10 университетов определены по среднему уровню ЕГЭ зачисленных студентов.

Итак, для российских университетов (особенно региональных) социологические программы не относятся к числу наиболее "хлебных", но все же часто рассматриваются в числе зарабатывающих. Заметим, что в целом рост числа и доли коммерческих студентов качества контингента отнюдь не улучшает.

Но, конечно, для нас важнее перечисленных количественных показателей характер подготовки на социологических факультетах. Его можно охарактеризовать в целом (исключения лишь подтверждают правило) как сочетание "мягкой" теории с "мягкими" методами, преподавание своего рода "теории лайт (*lite*)" и "методов лайт" (имея в виду не только количественные, но и качественные методы). Это означает, что вроде бы есть и то, и другое, но будущих социологов не учат теоретизированию в строгом смысле и не предлагают, как правило, сколь-либо изощренных методов статистического анализа. При этом образовательные программы, вполне естественно, являются прямой проекцией профессиональных компетенций преподавателей. Еще в советское время в отечественной социологии сложилась традиция активного производства собственных данных при слабой нацеленности на углубленный анализ и тестирование четко оформленных теоретических положений [Greenfeld, 1988]. Инерция работы, где просветительская идея ставится выше соблюдения тестирующих процедур, а производство новых данных важнее их анализа, оказалась высокой и в более поздний период.

Размыванию идентичности социолога немало способствует острый дефицит профессиональной ориентации, что больше всего бьет по молодым коллегам, особенно тем, кто учится на социологических факультетах. Они сталкиваются с неопределен-

ностью на входе и на выходе. Неопределенность на входе связана с тем, что социология не преподается в школе (сомневаюсь, что стало бы лучше, если бы она там преподавалась, но все же), и большинство абитуриентов социологических факультетов не слишком хорошо понимают, куда они идут. Для значительной доли абитуриентов социология оказывается вторым–третьим выбором, что впоследствии не способствует повышенной лояльности к предмету.

Болезненное переживается неопределенность на выходе, когда даже лучшие студенты впадают в своего рода “прагматический психоз”, связанный с непониманием того, чему и зачем их учат, кем они станут на рынке труда. Значительная часть студентов пытается решить вопрос уже в университете, начиная работать. Но поскольку жизнь сильно расходится с обучением, стимулы к обучению естественно падают. И боюсь, в последние годы проблема не сглаживается, а обостряется.

Растет ли рынок труда для социологов вслед за ростом числа выпускников, сказать трудно, ибо спрос на социологов предъявляется под другими именами – “социологи” как таковые, как правило, не требуются, зато есть места в маркетинге, рекламе, связях с общественностью и пр. При этом выпускники ведущих вузов в основном благополучно устраиваются по специальности или близко к специальности (пусть и под другими именами), а какова доля выпускников социологии, работающих не по специальности после окончания основной массы вузов, еще предстоит исследовать (если кто-то за это возьмется). Полагаю, доля будет значительной.

**Жизнь по стандартам.** Мы привыкли жить по государственным стандартам, задающим структуру дисциплины и в образовании, и в науке. Разумеется, это не проблема одной социологии и не главная проблема для самой социологии. Но остановиться на ней стоит, тем более что стандарты являют собой попытку задать формат того, что следует считать “социологией” через распорядительные органы государственной власти. В области образования ранее через Федеральные государственные образовательные стандарты второго поколения пытались задать содержание дисциплины, но выглядело это несколько странно, и поэтому регламентацию содержания образования позднее свели к минимуму. Сегодня неизбежно возникает вопрос, изменит ли ситуацию недавнее введение Федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения, а также предоставленная федеральным и национальным исследовательским университетам возможность разрабатывать собственные образовательные стандарты? Радикальных изменений, на наш взгляд, ждать не следует. Для социологии на профильных факультетах коррективка минимальных требований и предоставление большей свободы в части содержания образования сыграют скорее положительную роль. В то же время серьезных негативных последствий следует ожидать с другой стороны. Многие руководители несоциологических программ, получив инъекцию свободы и не обнаружив социологию в числе обязательных дисциплин, скорее всего, попытаются от нее избавиться. А руководители социологических подразделений все чаще будут переименовывать их в маркетинг и менеджмент, чтобы повысить свою “рыночную привлекательность” с неперенными вздохами – “ну, что же, выживать как-то надо”. Если эта тенденция наберет силу, поле социологии (и без того не слишком широкое) еще более сократится, сожмется до небольших, как правило, по размеру специализированных отделений и факультетов.

В научной сфере в части стандартизации изменений меньше. Здесь сохраняется (с периодическими, но не слишком существенными коррекциями) официальная классификация специальностей, по которой защищаются кандидатские и докторские диссертации (“**Номенклатура специальностей научных работников**”). В нее с 2009 г. входят: “Теория, методология и история социологии”, “Экономическая социология”, в которую зачем-то добавили демографию, безразмерная и спасительная для многих “Социальная структура, социальные институты и процессы”, “Политическая социология”, которая делится с политическими науками, “Социология культуры” (ранее еще добавлялась “духовная жизнь”) и “Социология управления”, которая нужна в первую



очередь перекарасившимся менеджерам (из числа тех, кто не идет защищаться по более престижной экономической теории). По содержанию эта классификация мало соответствует структуре дисциплины и выполняет в основном учетную функцию. Хотя необходимость подгонять работы под паспорт специальности вряд ли эти работы улучшает. И выработке дисциплинарной идентичности такая подгонка не слишком способствует.

Известно, что за двадцать лет после легитимации социологии (с 1989 по 2010 г.) по данной отрасли было защищено около 6000 кандидатских и 888 докторских диссертаций (во много раз меньше, чем по экономике, но тоже немало). Из общего числа докторских диссертаций более трети (35,7%) защищено по специальности "Социальная структура, социальные институты и процессы", более одной пятой (21%) – по специальности "Социология управления", по специальности "Теория, методология и история социологии" – 14,7%, а по остальным специальностям снижается, доходя до 5–6%. Это означает, что и с формальных количественных позиций официальная номенклатура слабо отражает реальные процессы.

С точки зрения количественной динамики в диссертационной активности дела, вроде бы, тоже обстояли неплохо. Число защищаемых каждый год диссертаций росло, если, следуя советской традиции, брать цифры по пятилеткам, оно в итоге увеличилось более чем в два раза<sup>4</sup>. Любопытно и то, как меняется гендерный состав свежеиспеченных докторов наук – в первую постсоветскую пятилетку женщинами защищалась лишь каждая пятая диссертация, а в четвертую пятилетку – более половины (см. табл. 3). Лицо социологии становится все более женским. Чтобы понять, что эта тенденция не остановима, достаточно зайти в студенческую аудиторию на любой социологический поток.

Таблица 3

**Число защищенных докторских диссертаций по социологии и доля женщин, защитивших диссертации в 1999–2009 гг. (%)**

Число работ	Всего	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2009
Общее число	855	131	171	269	284
В среднем в год	43	26	34	54	57
Доля женщин (%)	39.8	21.8	35.0	37.2	52.5

Источник: Прошанов, 2011.

Наконец, территориально основная часть защит была сконцентрирована в Москве (41,5%) и трех других крупных городах – Санкт-Петербурге (13,2%), Саратове (8,2%) и Ростове-на-Дону (7,5%) (что составляет более 70%) [Прошанов, 2011].

Что же касается более важного вопроса – качества диссертаций – не знаю, может ли кто-то объективно оценить всю эту совокупность работ. Ограничусь одним замечанием. Я в течение целого года активно читал диссертационные работы по своей специальности в экспертном совете ВАК РФ. Да, были работы, не соответствующие не то что международным, но элементарным отечественным требованиям. Но главным для меня стало другое наблюдение: интересных и тем более прорывных работ фактически не оказалось. Может быть, мне хронически не везло? Но как главный редактор журнала "Экономическая социология", отмеченного в списке той же ВАК РФ и имеющего немалый приток текстов, могу подтвердить – круг достойных российских авторов в последние годы если и расширяется, то очень медленно.

Наряду с относительно невысоким уровнем большинства работ в последние годы, видимо, распространялись и разного рода негативные практики. Активно работает

<sup>4</sup> Для более подробной информации по докторским диссертациям полезно смотреть годовые обзоры В.Ф. Левичевой в "Социологических исследованиях". По структуре кандидатских диссертаций по социологии за период 2000–2005 гг. см., например: [Котельникова, 2006].

рынок диссертационных услуг, в том числе с обеспечением полного цикла подготовки и защиты диссертации “под ключ” [Калимуллин, 2005]. Расплодилось огромное количество сомнительных российских журналов, публикующих любые статьи за небольшую плату, и сомнительных зарубежных изданий, где можно опубликовать все, что угодно, на английском языке. К плагиату в работах, который уже давно никого не удивляет, добавились ссылки на фиктивные публикации. И вскрываемые в последнее время факты – лишь верхушка айсберга систематической профанации исследовательской работы.

**Освоение новых рынков.** Развал советской заводской социологии резко уменьшил число социологов-практиков, работающих в области индустриальной социологии, зато в то же самое время появились практики другого рода – возникли рынки социологических услуг. Его можно грубо поделить на две части – рынок изучения общественного мнения и рынок маркетинговых исследований. Оба рынка важны, ибо являются сферами профессионального трудоустройства для социологов.

Фабрики общественного мнения возникли на волне демократизации. Сначала был образован ВЦИОМ (1987 г.) благодаря решению М.С. Горбачева. На волне очевидного успеха от него отпочковались VoxPopuli (1989), Комкон (1991), ФОМ (1992), позднее (по политическим причинам) Центр Юрия Левады (2003). Возникли и другие социологические центры. Российских поллстеров отличает важная черта – многие из них по-прежнему идентифицируют себя в качестве социологов. И что характерно, в глазах многих за рамками профессионального сообщества социология в сильной степени ассоциируется с опросами общественного мнения. Впрочем, идентичность социологов подобная ассоциация скорее смещает, нежели проясняет.

Ведущие поллстеры берутся и за маркетинговые исследования. Однако с течением времени эти рынки все более расходятся. Достаточно обратить внимание на то, что более двух третей российского рынка маркетинговых исследований (70%) уже занято глобальными компаниями (GfK-Rus, ACNielsen, Ipsos-Russia, Synovate-Comcon, A/R/M/I-MarketingMillwardBrown, TNS) [Жеглова, 2011]. И места для россиян здесь остается все меньше. В то же время основные игроки на поле изучения общественного мнения – отечественные. Выглядит дело так, будто в маркетинге мы больше доверяем иностранцам и их представителям, а в более деликатной общественно-политической сфере предпочитаем свои, родные компании. Но что вероятнее, основную часть маркетинговых исследований в России проводят глобальные компании; а они больше доверяют глобальным контрагентам.

К сожалению, рынок маркетинговых исследований в России не слишком развит по международным меркам, составляя лишь около 2,5% европейского рынка [Жеглова, 2011]. И это при том, что Россия уже превратилась в самый крупный в Европе продовольственный и, шире, потребительский рынок. Потенциал дальнейшего роста здесь есть, и немалый, но сам этот рост пока был относительно скромным. Куда быстрее в российских условиях растет “менее интересный” для социологов рынок рекламы. Добавим, что рынок маркетинговых исследований наиболее чувствителен к кризисным шокам: именно деятельность маркетинговых служб примораживают в первую очередь.

Поблизости от маркетинговых исследований развивается особое направление социологии рынков, пытающееся сочетать академические и прикладные исследования [Радаев, 2006; Куракин 2007]. Но это уже другая область, и пока она, аккуратно сказать, не слишком обширна.

**Организационное разделение труда.** Одним из наследий советского прошлого стало организационное разделение сообщества на институты Академии наук, которые были призваны обеспечивать развитие академических исследований, и вузы, которые должны были заниматься образовательными программами [Beliaev, Vitorin, 1982; Weinberg, 2004]. При этом в отличие от сотрудников РАН преподаватели вузов, придавленные большой учебной нагрузкой, объективно имели значительно меньшие

возможности для исследовательской работы<sup>6</sup>. Сегодня это организационное разделение труда кажется относительно искусственным и тормозящим многие процессы. И уж конечно, мало кто возьмется утверждать, что водораздел между институтами РАН и российскими университетами проходит по активности в части академических исследований. Тем более, что это уже не соответствует базовым фактам.

Чтобы посмотреть на условное распределение научного потенциала между академическим и вузовским сообществами, мы рассчитали несколько простых показателей по данным Российского индекса научного цитирования. Взяв первые сотни социологов по числу публикаций и числу цитирований из почти трех тысяч авторов, проходящих по разделу "Социология", мы посмотрели, как они распределяются между основными типами научных организаций. При условности данных показателей они все же отражают масштабы научной работы наиболее активной группы социологов (разумеется, ничего не говоря о ее качестве). Именно эта группа публикует наиболее значимую часть работ – и по числу, и по влиянию на другие работы. Добавим, что исследователи за пределами верхних сотен имеют 20 и менее публикаций и менее 70 цитирований на человека.

В качестве исходной гипотезы мы вправе предположить, что сотрудники институтов РАН, занимающиеся исключительно или преимущественно исследовательской работой, должны демонстрировать более высокую активность и результативность в академической сфере по сравнению с преподавателями вузов, которые тратят основную или весьма значительную часть своего рабочего времени на преподавание. Возможно, в прошлом это и соответствовало действительности. Однако сегодня это предположение не находит прямого подтверждения. Для начала, анализируя данные РИНЦ, мы видим, что вне РАН и университетов действительно находятся единицы активно публикующих исследователей. Основной академический потенциал сосредоточен в двух сравниваемых типах учреждений. Но далее получилось, что по числу публикаций исследователи из университетов занимают ровно половину первой сотни, а сотрудники институтов РАН – чуть менее половины (добавим: совсем недавно ситуация была обратной). Что касается числа цитирований, представительство университетов даже несколько выше половины за счет некоторого уменьшения доли институтов РАН. Причем и здесь год-полтора назад ситуация была обратной (см. табл. 4). Видимо, изменения происходят достаточно быстро, отчасти за счет перехода сотрудников РАН в университеты на основное место работы.

Отметим очень разный уровень концентрации ведущих исследователей в двух ведущих типах учреждений. Научная активность в РАН намного более концентрирована: в Топ-100 российских социологов представлены 10 институтов РАН по числу публикаций и 7 институтов РАН по числу цитирований. Добавим, что половину представительства РАН в первой сотне социологов по числу публикаций и 58% по числу цитирований обеспечивает одной организацией-лидером – московским Институтом социологии РАН. Среди университетов уровень концентрации научного потенциала в его количественном измерении не столь велик: здесь в Топ-100 представлены по числу публикаций 32 вуза и по числу цитирований – 27 вузов. А организация-лидер среди вузов – Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" – обеспечивает пока около пятой части верхних списков (см. табл. 4). В какой степени концентрация исследовательской активности в ведущих университетах будет нарастать, покажет время.

---

<sup>6</sup> В постсоветское время, как мы уже упоминали, в организационном поле социологии появился третий игрок – социологические и маркетинговые фирмы, занимающиеся прикладными исследованиями. И три вида работ начали условно делиться между тремя типами организаций. В 1990-е гг. возникла также группа небольших негосударственных исследовательских центров, существовавшая в немалой степени за счет поддержки западных благотворительных фондов. На первом этапе они сыграли важную роль в освоении новых форм академической работы, но не смогли в итоге набрать критическую массу, чтобы существенно влиять на профессиональное поле.

**Численность ученых РАН и российских университетов в топ-100 российских социологов по численности публикаций и цитирований в 2012 г.**

Показатели	РАН	Университеты	Прочие
Топ-100 социологов:			
по числу публикаций	46	50	4
по числу цитирований	43	54	3
Число организаций, представленных в Топ-100 социологов:			
по числу публикаций	10	32	3
по числу цитирований	7	27	3
Доля организации-лидера в Топ-100 социологов (%):			
по числу публикаций	50	18	50
по числу цитирований	58	22	33

*Источник:* Рассчитано по: Российский индекс научного цитирования (URL: [http://elibrary.ru/projects/citation/cit\\_index.asp?>](http://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp?>)).

*Примечание.* Учет велся по основному месту работы, указанному в РИНЦ, с исправлением некоторых очевидных ошибок. Данные брались по ныне живущим исследователям. Ушедшие из жизни коллеги замещены следующими по списку.

Из приведенных цифр как таковых еще нельзя делать общие выводы. Но здесь мне на помощь приходят результаты "включенного наблюдения", которое я имел возможность проводить, будучи сотрудником Академии наук в течение 12 лет с конца 1980-х до конца 1990-х гг., когда возрастающее недофинансирование РАН при недостаточной способности привлечь ресурсы с нарождающихся новых рынков привело к существенному оттоку (или отъезду) заметной части лучших кадров (в первую очередь молодых) (Radaev, 2001). А база воспроизводства кадров (если не считать хиреющей аспирантуры) находилась в университетах. Полагаю, именно тогда вектор основных изменений определился решительно и бесповоротно. Академический потенциал (в соответствии с мировой традицией) вместе с частью лучших кадров и ресурсным обеспечением перекочевывает в университеты, которые и будут основными центрами, сочетающими образовательные и исследовательские программы, а в перспективе – и заметную часть исследований более прикладного характера.

**Фрагментированность социологического сообщества.** В постсоветский период российское социологическое сообщество продолжало неуклонно расти. В начале 2010-х гг. в Российском обществе социологов числилось уже около 4000 членов. Но профессиональная консолидация за ростом явно не поспевала. Дело в том, что постсоветский период ознаменовался разрушением официальной монополии ортодоксального марксизма и легитимацией западных социологических теорий. В результате возникла ситуация методологического плюрализма, имеющая несомненные положительные стороны, ибо она вела к втягиванию в профессиональный оборот множества новых подходов. Социологи также получили возможность обратиться к анализу множества новых объектов, исследование которых в советское время было затруднено или даже невозможно (подробнее о некоторых темах см.: [Радаев, 2006]). При этом, подобно многим собратьям по постсоциалистическому лагерю, российские социологи оказались скорее проблемно-ориентированными, нежели парадигмально-ориентированными, как это в 1990-е гг. подметил венгерский социолог Дьердь Ленгель [Lengyel, 1995]. Это означает, что них приоритетен скорее объект, нежели метод и тем более те или иные теоретические парадигмы.

При характерном дефиците широких методологических дискуссий возникший плюрализм способствовал прогрессирующей фрагментации профессионального сообщества. Заметим, что у этой фрагментации была более чем благодатная почва, связанная с весьма разнородным профессиональным бэкграундом социологов стар-

шего и среднего поколений. С появлением базового социологического образования эта разнородность начала сглаживаться “снизу”, а “сверху” ситуация оставалась прежней. Достаточно упомянуть, что с 2000 по 2008 г. (когда специализированные диссертационные советы уже давно работали) из 511 соискателей, защитивших докторские диссертации по социологии, лишь менее трети (31%) были кандидатами социологических наук, что меньше доли соискателей-философов. А всего в социологию приходили соискатели из 15 наук (экономики, педагогики, математики, естественных наук и др.) [Прошанов, 2011]. Причем не сложно предположить, что разнородность бэкграунда в социологии заведомо выше, чем в большинстве других дисциплин. С одной стороны, она придает социологии дополнительное разнообразие, с другой, затрудняет профессиональную коммуникацию. Даже сегодня, спустя много лет после официального утверждения дисциплины, социологи с философским и экономическим бэкграундом с трудом могут найти общий язык. Это не может не затруднять понимание того, что есть социология внутри самого сообщества и как ее репрезентировать вовне сообщества.

Добавим, что методологическая разнородность в постсоветские годы дополнилась региональной фрагментацией с элементами изоляции. Внутрirosсийская академическая мобильность традиционно невелика. Деловые связи часто формируются по “радиальному” принципу – через Москву, из которой в регионы во многом поступают и академические проекты, и коммерческие заказы, в которых региональные подразделения играют роль соисполнителей (в лучшем случае) или организаторов полевых исследований (в большинстве случаев). Характерно, что общение с зарубежными коллегами в новых условиях может быть даже активнее, нежели общение между коллегами из разных российских регионов и даже внутри одного региона.

В результате на основе разных профессиональных аффилиаций, идеологических пристрастий, источников дохода и включенности/невключенности в разные профессиональные сети формируются относительно замкнутые мини-сообщества (клики) с минимальной идейной коммуникацией, слабым взаимным цитированием и отсутствием ресурсных обменов между собой даже в ограниченном территориальном пространстве. Существование трех таких слабо пересекающихся профессиональных групп (Ист-Сайда, Вест-Сайда и Переходной зоны) прекрасно описано на примере социологии Санкт-Петербурга [Соколов, 2012; Губа, 2012]. Причем показано, что они образовались как сетевые структуры прежде всего на основе близости политических взглядов и личной лояльности, нежели как теоретические группировки [Сафонова, 2012].

**Идеологический раскол.** Бытование профессионального сообщества социологов как популяции слабо пересекающихся сетей дополняется и закрепляется его растаскиванием на несколько ассоциаций. Есть Российское общество социологов, основанное в 1989 г., выделившееся из Советской социологической ассоциации в качестве самостоятельного субъекта в 1991 г. и ставшее в 1992 г. правопреемником ССА. Одновременно в 1992 г. была предпринята попытка создать Содружество социологических ассоциаций в рамках провозглашенного СНГ, на базе которого в 1993 г. возникает Профессиональная социологическая ассоциация, позднее преобразованная в Сообщество профессиональных социологов.

В это же время появилось еще несколько ассоциаций. В 1992 г. учреждена Санкт-Петербургская Ассоциация социологов (С.П.А.С.) на основе Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации. В том же Санкт-Петербурге в 1993 г. было образовано Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, оформленное как восстановление Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского (1916–1922 гг.). Этого показалось мало, центробежные тенденции продолжились. В 2003 г. появляется Российская социологическая ассоциация (РоСА). А в 2007 г. состоялся Учредительный съезд Союза социологов России с явной претензией на пере-

хват лидерства и официальных представительских полномочий у Российского общества социологов<sup>6</sup>.

Со стороны понять, в чем специфика той или иной ассоциации, бывает не просто. При более близком рассмотрении складывается впечатление, что разделение происходит преимущественно по институциональному признаку и идеолого-политическим пристрастиям. И конечно, здесь проявляются амбиции лидеров ассоциаций – интереснее “дружить” против кого-то, чем дружить с кем-то. В результате происходит ослабление и без того невеликих сил, и вместо одной сильной профессиональной ассоциации мы имеем несколько откровенно слабых. В некоторых случаях вообще извне не видно, насколько они активны и чем занимаются. Например, на сайте Союза социологов России содержатся 4 новости за 2012 г. и две – за 2011 г., на сайте Российской социологической ассоциации новости заканчиваются 2008 г., а на сайте Социологического общества им. М.М. Ковалевского жизнь замирает и вовсе в 2004 г. (просмотр за январь 2013 г.).

Подобное раздергивание профессионального сообщества выглядит не слишком прагматичным. Заметим, что у соседей социологии (философов, психологов, историков), при всех их проблемах такого почему-то не наблюдается. Но перспектив для объединения у социологов, скорее всего, нет. У нынешних ассоциаций другая прагматика, и решают они в первую очередь не профессиональные проблемы. Они – маркеры принадлежности к тому или иному клану. С одной стороны звучат обвинения в западничестве, с другой, наоборот, в изоляционизме. И бороться на этом поле бессмысленно. Конечно, нужно поддерживать тех, кто тебе референтен, но вряд ли следует отдаваться этой борьбе целиком и тем более надеяться победить (ибо победа будет мало отличаться от поражения).

**Горькое лекарство интернационализации.** Российское социологическое сообщество находится в болезненном и раздробленном состоянии. Кто-то упорно тянет на себя рваное лоскутное одеяло, кто-то переходит на “стеб”, изображая “диких доцентов”, кто-то не перестает сокрушаться, что власть имущие не слушают социологов, кто-то радуется за православную социологию. Вылечить такой организм заговорами и поглаживаниями невозможно. Сам этот организм, видимо, тоже не всегда справляется. И значительную часть популяции социологов уже не спасти. Поскольку естественный отбор работает плохо, жить (или, если угодно, влачить существование) они будут долго и даже будут воспроизводить себе подобных. Здоровым же элементам популяции нужны прививки и инъекции.

Что же может выступить в роли “лекарства”? Как обрести утраченную (или недосформированную) целостность, веру в значимость своей роли при обстоятельствах, которые скорее этому препятствуют, нежели способствуют? Как самоопределиваться, где найти для себя “значимого другого”, кто поможет обрести тождество с самим собой?

Выбор значимого другого в виде политического противника и самоопределение через околопрофессиональную борьбу (или возню) ни к чему плодотворному не приведут; это путь тупиковый. Но если контрагенты не находятся внутри, их следует искать вовне. Замкнутость только загоняет недуги вглубь, придает им застойный характер. В этих условиях, чтобы определить самого себя (в данном случае российскую социологию), нужно чаще и теснее сопрягаться с иным, обретая самосознание через другого и попутно меняя комфортную самоуверенность на некомфортную самокритичность. Я не знаток трудов Дж.Г. Мида, но их чтение навеивает именно такие мысли.

В качестве лекарства (горького, но потенциально эффективного) может выступить интернационализация деятельности – разумеется, не как исчерпывающее решение и тем более не как отказ от собственных достижений, а как нахождение достой-

<sup>6</sup> Добавим: у практиков-маркетологов свои объединения, из которых назовем два: Объединение исследователей рынка и общественного мнения (ОИРОМ), существующее с 2003 г. и объединяющее 13 наиболее крупных игроков рынка, и Ассоциация региональных социологических центров “Группа 7/89”, созданная в 2001 г. и включающая на сегодняшний день 24 участника. Но развитие социологии как таковой не является непосредственной сферой их интереса.

ных контрагентов и организация коммуникации с ними. (с полным пониманием того, что ситуация у контрагентов тоже далека от идеальной) [Гидденс, 2007].

Прием лекарства интернационализации – не пассивное ожидание помощи, которая может и не прийти. Принято жаловаться на тяжелые 1990-е гг., но в те годы было в каком-то смысле легче. С началом нового тысячелетия произошло падение грантового финансирования с уходом западных благотворительных фондов. Основные гранты на исследования и конференции теперь поступают из государственных российских фондов. Внешний интерес к России упал, как это ни прискорбно (сегодня куда больше интереса, например, к Китаю). Это означает, что экспорт локальных исследовательских продуктов становится все более проблематичным. Надеяться на внешние подпорки, как в былые годы, видимо, не приходится или приходится в значительно меньшей степени. Нужно заботиться о себе самим, предпринимая собственные активные действия.

Чтобы двигаться вперед, придется переформатировать академическую среду. При этом просто пытаться копировать образцы иного явно недостаточно, если речь не идет о сугубо формальных процедурах и правилах, которые лучше заимствовать. Но даже относительно стандартные процедуры трудно культивировать без носителей иного опыта. Значит, придется приглашать коллег, получивших ученые степени и имеющих опыт работы в хороших зарубежных университетах (и соотечественников, и иностранцев). И не на недельку или месяц для прочтения пары лекций, а на постоянную работу. Не потому, что они непременно лучше (хотя в каких-то вещах, например, в методологии, они зачастую действительно сильнее), но потому, что они другие и меняют среду самим фактом своего существования. Именно для этого они и нужны, а не для того, чтобы “учить” нас в школярском смысле слова. Они призваны помочь нам конвертировать свой потенциал в приемлемую для международного сообщества форму.

Хотелось бы видеть в нашей среде больше иностранных студентов и вообще студентов из других вузов, и чтобы они не группировались в особых привилегированных “гетто”, а перемешивались с российскими и “своими” студентами, не позволяя ехать по накатанной годами и десятилетиями колее. Когда коллега, получивший PhD в одном из лучших университетов, и иностранный студент, приехавший в университет на семестр для включенного обучения, перестанут чувствовать себя в нашей среде неприкаянными “белыми воронами”, цель в этой части можно будет считать достигнутой.

В свою очередь, это означает, что часть программ или по крайней мере возрастающая часть дисциплин должна преподаваться на английском языке и в конвертируемом виде. Нужна более активная работа на английском языке в целом – исследовательская и образовательная, другого выхода просто нет. Восточноевропейские коллеги поняли это раньше нас и, к тому же, не могли полагаться на свои местные языки ввиду малости локальных профессиональных сообществ. При наличии столь большого русскоговорящего профессионального сообщества (в том числе вне России) и исторических традиций мы не можем отказываться от работы на русском языке и не должны от нее отказываться. Но и работать исключительно на русском языке (или через “переводчиков”) сегодня тоже нельзя.

Желательно прекратить разговоры о том, что у нас что-то делается “на международном уровне”, если это не часть глобального академического процесса. Нужно делать не исследования и образовательные программы “на международном уровне”, а международные по характеру исследования и программы. Например, устраивать конференции, которые будут международными не по названию в связи с приглашением двух-трех иностранцев в качестве ритуала и синхронным переводом их докладов, а международными по сути своей организации и работы, на которые россияне отбираются на тех же основаниях, что и коллеги из любых других стран.

И, конечно, придется многое менять в собственной работе вместо составления очередных реестров отечественных достижений. Изучать и преподавать современную теорию, осваивать более изощренные методы. Больше заботиться о теоретических объяснениях, нежели стремиться указать нам всем известные социальные проблемы. Делать упор на более глубокий анализ и интерпретации, нежели на производство все новых и новых данных. Входить в международные партнерства, для которых, кстати, сегодня, как правило, нужны собственные ресурсы. Чтобы продемонстрировать свои

особе;

эти статьи частью глобального академического процесса, выдерживая стандартные требования к качеству своего продукта и не выпадая из международного контекста.

Простой ли это путь? Разумеется, не простой и не быстрый. К тому же относительно эффективно интернационализация может происходить в лучшем случае в пределах немногочисленных анклавов. Но жизнеспособной альтернативы пока не видно. Нужна свежая кровь. И чтобы спасти российскую социологию от раннего увядания, нужно вывести ее в мир. Если и не удастся поправить дела с профессиональной идентичностью (в мировой социологии с этим дела тоже обстоят не лучшим образом), то, по крайней мере, есть шанс оказаться в приличной компании.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // *Социология в России* / Отв. ред. Ядов В.А. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 23–44.
- Батыгин Г.С. (ред.). *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. СПб.: Росс. христиан. гум. ин-т, 1999.
- Гидденс Э. К социологическому сообществу! // *Социол. исслед.* 2007. № 9. С. 4–5.
- Голосенко И.А., Козловский В.В. *История русской социологии XIX–XX вв.* М.: Онега, 1995.
- Губа К.С. Западная теория в петербургской социологии: между Максом Вебером и Эрвином Гоффманом // *Социол. исслед.* 2012. № 6. С. 83–96.
- Желова Ю. Задержка в развитии // *Компания*. 2011. № 39. 24 октября.
- Здравомыслов А., Рожин В., Ядов В. *Человек и его работа*. М.: Мысль, 1967.
- Калимуллин Т.Р. Российский рынок диссертационных услуг // *Эконом. социология*. 2005. Т. 6. № 4. С. 14–38; 2006. Т. 7. № 1. С. 14–37.
- Котельникова З.В. Тематический обзор авторефератов кандидатских диссертаций по экономической социологии за 2000–2005 гг. // *Эконом. социология*. 2006. Т. 7. № 5. С. 70–89.
- Кукушкина Е.И. *Русская социология XIX – начала XX века*. М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Куракин А.А. Экономическая социология в России в начале века // *Эконом. социология*. 2007. Т. 8. № 4. С. 102–130.
- Осипов Г.В. (ред.). *Советская социологическая ассоциация*. Информбюлл. № 37. М.: ИКСИ АН СССР, 1970.
- Прошанов С.Л. Докторские диссертации в социологии, 1990–2010 годы. 2011 URL: <<http://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-1/Proshanov.pdf>>.
- Радаев В.В. Экономическая социология в России // *Эконом. социология*. 2004. Т. 5. № 2. С. 126–139.
- Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии // *Социол. исслед.* 2008. № 7. С. 24–33.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. *Социальная стратификация*. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Сафонова М.А. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // *Социол. исслед.* 2012. № 6. С. 107–120.
- Соколов М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная динамика “бедной науки” // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2009. № 1. С. 20–57.
- Соколов М.М. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // *Эконом. социология*. 2011. Т. 12. № 4. С. 37–72. URL: <<http://ecsoc.hse.ru>>.
- Соколов М.М. Изучаем локальные академические сообщества // *Социол. исслед.* 2012. № 6. С. 76–82.
- Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. (ред.): *Веки российской социологии (1950–2000-е годы)*. СПб.: Алетейя, 2009.
- Экономическая социология в России: поколение учителей / Отв. ред. Радаев В.В. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2008.
- Beliaev E., Butarin P. The Institutionalization of Soviet Sociology: Its Social and Political Context // *Social Forces*. 1982. 61 (2): 418–35.
- Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in Soviet Union // *Annual Review of Sociology*. 1988. 14: 99–123.
- Lengyel G. Economic Sociology in East-Central Europe: Trends and Challenges. Paper presented at the 2nd Conference of the European Sociological Association (Budapest, 30 August — 2 September 1995).
- Radaev V. It's Not Easy Being a Scholar in Modern Russia / H. Isham and N. Shklyar (eds.) *Russia's Fate Through Russian Eyes: Voices of the New Generation*. Boulder: Westview Press, 2001. P. 308–321.
- Sorokin P. *Social Mobility*. New York: Harper & Brothers, 1927.
- Weinberg E.A. *The Development of Sociology in the Soviet Union*. Farham, Surrey: Ashgate, 2004.
- Yanowitch M. *Social and Economic Inequality in the Soviet Union: Six Studies*. White Plains, New York: M. E. Sharpe, 1977. Tabl. 1